

РУССКИЙ ЯЗЫК

РАЗГОВОРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ СЕРЕДИНЫ XV В.

М.В. Иванова

ФГБОУ ВПО «Литературный институт им. А.М. Горького»
Тверской бульвар, 25, Москва, Россия, 123104

В статье рассматриваются особенности синтаксиса и лексики житий Пахомия Логофета, те оригинальные компоненты текста, которые создают имитацию разговорности: прямая речь, *praesens historicum*, лексика с экспрессивными суффиксами.

Ключевые слова: история русского литературного языка, разговорная речь, древнерусская агиография, Пахомий Логофет.

Среди многих дискуссионных и окончательно не решенных проблем науки об истории русского литературного языка выделяется проблема соотношения древнерусского разговорного и древнерусского литературного языка. Вопрос взаимоотношений литературной разновидности употребления русского языка с разговорной сложен даже при рассмотрении современного состояния языковой ситуации.

И хотя разговорная русская речь изучена практически досконально в работах отечественных исследователей (Е.А. Земской, Г.Г. Инфантовой, М.В. Китайгородской, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, Е.Н. Ширяева и др.), остается много спорных вопросов, связанных прежде всего именно с проблемой взаимодействия с языком литературным (укажем на регулярно повторяющийся сюжет при изучении функциональных стилей современного русского литературного языка, когда комментариям по поводу разговорного стиля, входящего/не входящего в стилистическую систему, уделяется больше внимания, чем рассмотрению собственно литературных стилей), а наблюдающаяся близость элементов этих двух разновидностей употребления языка даже позволяет считать, что в современной языковой системе общий разговорный язык принадлежит литературной сфере (в отличие от территориальных диалектов и полудиалектов, нелитературного просторечия, жаргона, арго и т.д.).

При рассмотрении же вопросов истории русского языка принято строже противопоставлять язык литературный и разговорный. Звучит это положение вполне достойно, но реализация его в исследовании весьма сложна и почти всегда спорна.

Во-первых, мы никогда не слышали естественную древнерусскую разговорную речь, а представления о ней черпаем из письменных памятников, которые составлялись обученными книжным правилам людьми.

Во-вторых, мы проецируем наши сегодняшние представления о признаках и особенностях разговорной речи на ее древнее состояние, а они могут быть весьма отдаленными от прошлых реалий. А если к оппозиции литературное — разговорное добавить еще не менее сложные для древних эпох отношения литературное — нелитературное, литературное — письменное и под., то проблема разграничения приобретает почти неразрешимый характер.

Понятно, что язык разговорный и язык литературный в разные эпохи то приближаются, то отдаляются друг от друга, поэтому и приходится четко разделять эти две разновидности языкового употребления, чтобы определять характер их взаимодействия в истории языка.

Особый интерес представляют собой древнерусские житийные тексты, написанные на книжно-славянском типе древнерусского литературного языка (по терминологии акад. В.В. Виноградова). Принято считать, что язык этих текстов отдален от разговорной речи и сориентирован на высокий стиль сакральных текстов.

Известный и самый плодовитый древнерусский агиограф Пахомий Логофет, по происхождению серб, прибыл на Русь с Афона и написал не менее одиннадцати житий, четырнадцати служб, двадцати одного канона, а также похвальные слова и сказания. Пахомию Логофету принадлежат жизнеописания двух выдающихся русских святых — Кирилла, игумена Белозерского, и святителя Алексея, митрополита Московского и всея Руси. Обратимся к этим двум житиям.

«Житие и подвизи преподобного отца нашего игумена Кирилла еже на Белеезере пречестен монастырь поставльшего» было написано Пахомием Логофетом после марта до 13 мая 1462 г.; настоящее исследование проводилось по рукописи РГБ, МДА, ф. 173, № 208, лл. 377—466, XV—XVI вв. [1] (1).

«Житие святого отца нашего Алексея нового чудотворца митрополита» было написано Пахомием Логофетом в начале 1456 г. по датировке В.А. Кучкина [2. С. 242]; настоящее исследование проводилось по старшей Пахомиевской редакции по наиболее раннему ее списку, хранящемуся в ГИМ, Синодальное собр., № 948, лл. 118 об — 144, XV в. [3] (2).

Синтаксис этих двух житий отличается простотой, лаконичностью и динамизмом; тексты не содержат громоздких синтаксических построений, усложненных конструкций, распространенных предложений с причастными и деепричастными оборотами, многочисленными цитатами, авторскими отступлениями, повторами и т.п.

Конечно, в исследуемых текстах можно найти отдельные фрагменты, которые отличаются большей синтаксической сложностью, чем основной текст каждого из этих житий, но эту сложность нельзя отнести к специальной синтаксической изощренности, например:

Фео^лрь же яко услыша дивляшеся помышляше же яко неky^н от вльможь приде кь с~тому мл~твы ради и посла в монастырь бл~женнаго Кирила хоте известно уведети кто суть бывшеи в монастыри вчера и третіемь д~ни [ЖКБ 401 об — 402].

Специфику синтаксиса исследуемых житий Пахомия Логофета определяет широкое использование *praesens historicum*, который интересен противоречием между формой настоящего времени и функцией обозначения прошедшего, выражением предшествования и одновременности. Это создает эффект псевдоактуальности и влияет на стилистическую маркированность исторического настоящего. «Значением особого рода» называет В.Г. Адмони значение прошедшего времени, заданное всем характером текста и наслонившееся на значение презенса, которое придает повествованию «особый подчеркнутый и приближенный к слушателю оттенок, делая повествование более выразительным» [4. С. 100—101].

Употребление *praesens historicum* при изложении событий прошлого известно в древнерусских текстах, как оригинальных, так и воспроизводимых, он был широко распространен в древних исторических хрониках и жизнеописаниях, что отражено в самом названии этого времени [5. С. 64], но при переводах с греческого, как правило, использовались аористные формы. Если же в древнерусских текстах мы находим *praesens historicum*, то в ином виде, нежели в житиях Пахомия Логофета. Обычно одной-двумя глагольными формами прошедшего времени читателя вводят в контекст с планом прошлого, а далее в повествовании употребляются формы настоящего времени.

В исследованных житиях контекст действительно ориентирован в прошлое и общей концепцией повествования, и указаниями на прошедшее, и употреблением прошедших форм глагола. Но эти последние постоянно чередуются с формами настоящего времени в пределах одного предложения, что не характерно для древней письменности и воспроизводит манеру устного рассказа о событиях.

Рассказчик, говоря о прошлом, оживляет и актуализирует событие, употребляя формы настоящего времени и тем самым приближая его к моменту речи. В разговорной речи нет жестких критериев использования этих форм; например, невозможно оценить с точки зрения правильности разговорные фразы: «он пришел и сказал» и «он пришел и говорит». Но последняя фраза с точки зрения речи письменной неправильна.

Явное несоответствие употребления форм презенса плану прошедшего в контексте, некий «грамматический конфликт» в языке исследуемых житий придает изображению дополнительную напряженность и эмоциональность, оживляет рассказ и тем самым выполняет определенную стилистическую задачу. Служит стилистическим целям и использование темпоральной роли *praesens historicum*, когда повествование смещает настоящее в прошлое [6. С. 24], переносит читателя в окружение минувших событий, создавая иллюзию его сопричастности.

Иными словами, изложение в историческом презенсе имитирует достоверность рассказа и делает читателя почти очевидцем изображаемого. Этого Пахомий Логофет добивается вполне: все житие и чудеса святого выглядят весьма зримо, а читать их занимательно.

Но такая черта представляет собой отступление от принципов построения и синтаксических норм книжно-славянского типа литературного языка. По существу любой отрывок из текстов обнаруживает чередование форм настоящего и про-

шедшего времени при описании тех или иных событий. Проиллюстрировать это нетрудно, приведя несколько фрагментов из разных частей текстов житий:

По си^x же времеⁿе^x принесеⁿ бы^c некии чл-кѣ в монастырь с-тго зело болезнiю великою одержи^m и моли^m ст-го е^{жс} пострици его въ иночская. И поне^{жс} прошенiя его с-тми не прере одевае^m его въ с-тми иночскыи обра^з и нарече имя ему Долма^m [ЖКБ. С. 418 об.].

Приде же паки в чювство и свои грех позна зае^{жс} преступити данную ему запо-ве^d сiа страже^m. И паки прибегае^m в монастырь бл-женнаго и чю^{до}творному гробу притекъ и со слезами прощенiя прошааше [ЖКБ. С. 434 об.].

Бывиу же ему. е-і. лето^m приде ему въ умъ любовь и раченiе иноческаго образа иде въ единъ от манастиреи и въ мнишьска^я одевается и постризае^t власы главы своа въкупе же и съ отятіемъ власть и долу влекущая мудрованiа [ЖАМ. С. 121 об.].

Вручи же и стареишиньство пре^dреченному Андронику и вся яже к потребе монастырска^г строенiа тому даруетъ и общее житiе в немъ съставляе^t [ЖАМ. С. 124 об.].

В текстах житий присутствуют указания на прошедшее время (кроме глагольных форм), например, в приведенных фрагментах текстов: *по сих же временех, бывиу же ему. е-і. лето^m*. Такие указания по своей функции тождественны временным наречиям, употребление которых с *praesens historicum* оценивается исследователями как черта, характерная для разговорной речи. Считается, что употребление исторического презенса с наречиями времени, семантика которых содержит указание на прошлое, вообще чуждо литературному языку, оно встречается преимущественно в обыденной речи, часто диалектно окрашенной [7. С. 105].

Другой специфической чертой синтаксиса исследуемых житий является насыщенность его конструкциями прямой и косвенной речи.

В отличие от предшествующих агиографов конца XIV — начала XV в., у которых передача прямой речи с помощью сложных синтаксических конструкций была удалена от воспроизведения естественной речи и носила сугубо книжный характер, Пахомий стремился приблизить прямую речь персонажей к естественной речевой ситуации. Именно поэтому у Пахомия большое место в тексте занимают диалоги, создающие драматургичность повествования, способствующие упрощению и оживлению изложения, ориентирующие текст на воспроизведение разговорной речи:

И прише^d некии бра^m тоя обители Феодосiе именовъ и възвещае^m с-тму яко Даниль Ан^dреевичъ по преставленiи своеⁿ придае^m село монастырю нашему но аще хоцещи посли да видена буди^m елика суть в селе томъ с-тми^{жс} села не възхоте прiати и рече яко азъ не требую сель при моемъ животе по моемъ же отишествiю е^{жс} от ва^c якоже хоцете тако творите [ЖКБ. С. 434 об — 435].

С-тые же Алексiе слышав сiе слово и тяжько си внятъ и ре^c се прошенiе и дело выше моя меры е^{но} обаче верую иже слепому от ро^{жс}енiа прозренiе даровавшиаго Б-гу яко аще с верою просить не презритъ его Б-гъ и тако изиде въ ц-ркъвь съ всемъ причтомъ ц-ркъвнымъ и начатъ пети молебень [ЖАМ. С. 125 об.].

И посылаетъ ц-ръ Амуратъ к великому князю Дмитрею Иванову^ч моля его яко да пошлетъ ч-л-ка Б-жiа Алексiа въ еже помолитъ Б-га о ц-р-ци яко да прозритъ [ЖАМ. С. 125—125 об.].

Таким образом, в текстах рассматриваемых житий функционируют синтаксические построения, создающие особую атмосферу разговорности, имитирующие устную разговорную речь, во всяком случае, не свойственные книжному языку XV в. Это проявляется в широком использовании *praesens historicum* с наречными указаниями на прошедшее время и введении конструкций прямой речи, приближенной к естественной речевой ситуации.

Разговорность текста усиливается еще и спецификой словарного состава.

Сверка лексики житий Пахомия Логофета с данными исторических словарей и их картотек показала, что он предпочитает слова общеупотребительные и нейтральные, которые фиксируются словарями в памятниках различных жанров и разного времени.

В целом лексику рассматриваемых житий можно охарактеризовать как нейтральную и общеупотребительную. Но в житийных произведениях Пахомия обращают на себя внимание слова, составляющие довольно большую группу, которые фиксируются словарями в памятниках разных жанров, но лишь с XV, XVI и даже с XVII вв. К ним относятся такие слова, как, например, из «Жития Кирилла Белозерского»: *иордань* «прорубь для освящения воды» [ЖКБ. С. 422], *начальство* «управление, руководство» [ЖКБ. С. 392 об], *нерадение* «небрежение» [ЖКБ. С. 451], *ограда* «монастырь» [ЖКБ. С. 421], *смяглость* «смуглость» [ЖКБ. С. 430 об], *хлебня* «пекарня» [ЖКБ. С. 388], *хлебникъ* «пекарь» [ЖКБ. С. 412 об], *утеснение* «притеснение» [ЖКБ. С. 412], *старчество* «старшинство по возрасту» [ЖКБ. С. 404], *поползаемый* «впадаемый в грех, ошибающийся» [ЖКБ. С. 452 об] и др.

Поскольку употребленные в тексте житий лексемы, не отмеченные словарями в письменных памятниках этого периода, представлены не единичными примерами, а составляют достаточно объемную группу слов, можно сделать вывод об использовании Пахомием в своих произведениях новой лексики, таких слов, которые существовали в живом разговорном языке, но получили письменную фиксацию лишь в более позднее время.

Здесь же хотелось бы обратить внимание и на употребление Пахомием слов с экспрессивными суффиксами, что весьма характерно для разговорной речи. Вот, например, образования с уменьшительными суффиксами тоже из «Жития Кирилла Белозерского»: *толкнувъ оконце у келии* [ЖКБ. С. 419], *отворив же оконце келии* [ЖКБ. С. 394], *скоро оконце келии затвори* [ЖКБ. С. 419], *даша нам польдругого хлеба и мало рыбиць* [ЖКБ. С. 415], *рыбу уловляше... ничимъ же инемъ, токмо удицею* [ЖКБ. С. 423], *и не суть умаляеме мучницы* [ЖКБ. С. 412 об] и др.

Конечно, сегодня трудно настаивать на оценке экспрессивности лексики в тексте XV в., но использование Пахомием синтаксических конструкций, воспроизводящих разговорную речь, слов, употребляющихся в разговорной речи, но не используемых в речи книжной, а также слов с разговорными экспрессивными суффиксами позволяет сделать вывод о том, что стиль безусловно литературных житий Пахомия Логофета ориентирован на передачу разговорной речи, во всяком случае к определенной разговорности стремился автор «Жития Кирилла Белозерского» и «Жития Алексея митрополита», что указывает не только на оригинальную авторскую манеру, но и на новые тенденции в русском литературном языке XV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Далее в тексте цитаты даются по этой рукописи; название — в сокращенном виде — ЖКБ; орфография упрощена по техническим причинам.
- (2) Далее в тексте цитаты даются по этой рукописи; название — в сокращенном виде — ЖАМ; орфография упрощена по техническим причинам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Пахомий Логофет*. Житие и подвизи преподобного отца нашего игумена Кирилла еже на Белеезере пречестен монастырь поставльшего. РГБ. — Ф. 173. — МДА. — № 208. — Л. 377—466. XVI в.
- [2] *Кучкин В.А.* Из литературного наследия Пахомия Серба (Старшая редакция жития митрополита Алексея) // *Источники и историография славянского средневековья*. — М., 1967. — С. 242—257.
- [3] *Пахомий Логофет*. Житие святого отца нашего Алексея нового чудотворца митрополита. ГИМ. — Синодальное собр. — № 948 (Протасьева, № 925). — Л. 118 об — 144. XV в.
- [4] *Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. — Л., 1988.
- [5] *Koller H.* Praesens historicum und erzählendes Imperfekt. Beitrag zur Aktionsart der Praesensstammzeiten im Lateinischen und Griechischen // *Museum Helveticum*. — Basel, 1951. — Vol. 8. — № 1.
- [6] *Кузнецов П.С.* К вопросу о praesens historicum в русском литературном языке // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. — Вып. 8. — М., 1949.
- [7] *Россихина Г.Н.* Об историческом презенсе в немецком литературном языке // *Филологические науки*. — 1996. — № 2. — С. 101—110.

THE COLLOQUIAL ELEMENTS WITHIN THE OLD RUSSIAN LITERARY TEXTS IN THE MIDDLE OF THE XV CENTURY

M.V. Ivanova

Literary Institute named after A.M. Gorky
Tverskoy Boulevard, 25, Moscow, Russia, 123104

The article parses the syntactic and lexical peculiarities in the hagiographies by Pachomius the Logothete, and the unique text elements that simulate the colloquial language, namely: direct speech, praesens historicum, lexis (vocabulary) with evocative suffix.

Key words: the Russian literary language history, the colloquial language, the Old Russian hagiography, Pachomius the Logothete.

LITERATURE

- [1] *Pahomiy Logofet*. Zitie i podvizi prepodobnogo otsa nashego iguemena Kirilla na Beleezere prechesten monastyr postavlshego. RGB. — F. 173. — MDA. — № 208. — L. 377—466. XVI v.

- [2] *Kuchkin V.A.* Iz litareturnogo nasledia Pahomia Serba. Starshaya redactsia zitia mitropolita Alexeya // *Istochniki i istorigraphia slavyanskogo srednevekovia*. — M., 1967. — P. 242—257.
- [3] *Pahomiy Logofet.* Zitie svyatogo otsa nashogo Alekseya novogo chudoyvortsia mitropolita. GIM. — Sinodalnoe sobr. — № 948 (Protasieva, № 925). — L. 118ob — 144. XV v.
- [4] *Adomni V.G.* Grammaticheskiy story kak sistema postroeniya I obshaya teoriya grammatiki. — L., 1998.
- [5] *Koller H.* Praesens historicum und erzählendes Imperfekt. Beitrag zur Aktionsart der Praesensstammzeiten im Lateinischen und Griechischen // *Museum Helveticum*. Basel. — 1951. — Vol. 8. — № 1.
- [6] *Kuznetsov P.S.* K voprosu o o praesens historicum v russkom literatunom yazike // *Dokladi i soobsheniya philologicheskogo faculteta MGU*. — Vip. 8. — M., 1949.
- [7] *Rossikhina G.N.* Ob istoricheskom presence v nemetskom literaturnom yazike // *Philologicheskie nauki*. — 1996. — № 2. — P. 101—110.